

Леонид
Никитинский

Зал ожидания

Он зашел и сказал: «Ну как вы, ребята? Пойдите покушайте горячего... — и поскольку никто из нас горячего не хотел: — Ничего, наши еще один ваш танк подбили!..»

Он ни на что не намекал, просто хотел объяснить, что мы пока побудем живые. Если бы не чеченцы, которые сражались так отчаянно, меня бы давно не было на свете — так странно... С тех пор эти «наши — ваши» у меня часто путаются в голове. Кто «наши», кто «ваши»?..

ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ ПОВЕСТИ
В КАРАНТИНЕ

КНИГА СОДЕРЖИТ
ОБЩЕННУЮ ЛЕКСИКУ

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Леонид Васильевич Никитинский
Зал ожидания: две с
половиной повести в карантине
Серия «Интересное время»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63677476

Леонид Никитинский. Зал ожидания : две с половиной повести в карантине: «Время»; Москва; 2021

ISBN 9785969120488

Аннотация

Леонид Никитинский полагает, что журналистика и литература очень разные профессии, а «писатель» – тот, кто может заработать этим на жизнь. На самом деле и в жизни, и в книгах (а в издательстве «Время» ранее вышла его книга «Белая карета») он перемешивает журналистику и литературу в разных пропорциях. Рассказ «Карантин», как пишет автор, «полностью выдуман». Но о жизни и нравах Конституционного суда он расскажет не меньше, чем качественный газетный репортаж. А вообще-то и больше. Опубликованный «Новой газетой», он сразу же вызвал одобрение одних и возмущение других. Только вот в «неправде жизни» автора никто не обвинил. Повесть «Алиби» – гротеск, фантазмагория. Но мы что, не читали в Сети про членов местных избиркомов, вылезающих из участков по

пожарной лестнице с пачкой фальшивых бюллетеней в зубах? Пожалуй, в «Зале ожидания» писателя Никитинского больше, чем журналиста. Это тот случай, о котором он сам пишет так: герои родились в голове у автора, «а дальше они все бегают уже сами по себе, и надо за ними только внимательно следить». За героями Леонида Никитинского следить увлекательно и тревожно – очень уж они непредсказуемые. Зато книги про них получаются «умные, человечные и нежные» – определение Людмилы Улицкой.

Содержание

От автора	6
Карантин. Рассказ[1]	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Леонид Никитинский
Зал ожидания:
две с половиной
повести в карантине

Художественное электронное издание

Художник *Валерий Калныньш*

Редактор *Регина Данкова*

Корректор *Елена Плёнкина*

Верстка *Оксана Куракина*

© Никитинский Л. В., 2021

© «Время», 2021

От автора

Когда в марте 2020 года мы все сели в карантин, я собрался было впасть в депрессию и стал искать в интернете преферанс с болваном для макбука. Но для макбука его нет! (Хотя для Windows – пожалуйста.) Как видно, эта замечательная игра практикуется, как и многое другое, только в странах бывшего СССР. Пришлось развеиваться каким-то другим способом.

Как раз в середине марта Конституционный суд выдал заключение про поправки к Конституции. У меня есть старые знакомые в этом суде, но звонить им было неловко. А хотелось понять, что испытывали судьи, подписывая это заключение и после. Журналистских инструментов, позволяющих решить такую задачу, я не нашел. И сел писать рассказ «Карантин», который отчасти и журналистика – в смысле попытки понять историю в моменте, без карантинной дистанции.

В апреле рассказ был опубликован на сайте «Новой газеты», а конца карантину было не видно. Преферанс для макбука так и не появился, и я решил переписать в повесть свою пьесу пятилетней давности (их все равно никто не читает, а ставят нынче, как объяснили мне знающие люди, «только Чехова, но вверх ногами»). Так получилась повесть «Алиби». Кроме названия, там еще довольно много нового, но в ней остался схематизм пьесы, и засчитать ее за целую было

бы нечестно (тем более что тема там – именно честность), поэтому она и есть «0,5».

Наконец, поскольку эпидемия не проходила, а я был все еще жив, я взялся за рассказ о похоронах («Зал ожидания»), первая картинка которого явилась мне довольно давно во время прощания с одним давним другом из прежней «Комсомолки» (тоже фактически уже покойной), но дальше дело не двигалось, и, как я ни пыжился, выходила одна графомания.

В этом процессе всегда случается (если случается) неуловимый момент, когда графомания превращается во что-то, чего уже не стыдно, а дальше они все бегают уже сами по себе, и надо за ними только внимательно следить. Меня самого этот момент очень занимает, и я могу, имея уже некоторый опыт, его даже более или менее уловить, но никак не могу объяснить.

Так что я остаюсь журналистом и не стал писателем. Заметку в газету, проработав в разных более 30 лет (последние 17 в «Новой»), я могу написать, лучше или хуже, на любую тему и в любом жанре, разным будет только время, которое потребуется для подготовки. Поэтому в журналистике я «профи». А в литературе – нет: я не понимаю, почему это обычно не получается, а если вдруг получается, то каким образом.

Вот дальше опять не получается, но пока есть «Новая газета», там я занимаюсь другим делом и не знаю, которое из

них полезней. Наверное, все-таки журналистика, потому что о «пользе литературы», тем более сегодня, когда никто уже не читает сложных текстов, говорить странно.

Леонид Никитинский

Карантин. Рассказ¹

На листе формата А4, который водитель держал в руках, было написано: «Мадам Фийон». Шеф, Сергей Анатольевич, ничего ему не объяснил, только велел держать листок у выхода на прилете, и теперь водитель гадал: по фамилии выходило, что француженка, но буквы-то были русские! И почему ее надо было везти не в гостиницу, а к шефу на дачу – может, это его знакомая из Страсбургского суда?

Наконец от толпы вдруг поваливших пассажиров отделилась мадам и пошла к нему. Была она среднего роста, средних лет и со среднего же размера чемоданом. По тому, как она приподняла полу плаща, садясь в машину, он решил – нет, француженка. Русские так не садятся, они и в авто представительского класса (а «Тойота-Камри» была уже ближе к нему, чем водитель страшно гордился) залезают, как в нору. Пристроив чемодан в багажник, он захлопнул за ней дверцу и поместил свое тело за рулем, хотя ей показалось, что оно там не должно уместиться. Иностранка заговорила по-русски без акцента.

¹ Рассказ полностью выдуман. Он был впервые опубликован на сайте «Новой газеты» в апреле 2020 года, не успев отлежаться, но я думаю, что всякая существенная правка «после» исказила бы его замысел. Я не стал звонить тем из судей и сотрудников КС, с кем был когда-то довольно близко знаком. Не я им судья. Поэтому в каких-то описаниях могут быть и неточности, но не в смыслах.

– Добрый вечер, меня зовут Наталья Сергеевна, а вас?

Нет, его не обманешь: зря он, что ли, прежде чем пойти водителем в Управление делами Конституционного суда, служил в погранвойсках и потом проходил специальную подготовку? Русские так легко не знакомятся.

– Виталий...

– Долго нам ехать?

– По окружной за полчаса долетим.

– В город не будем заезжать? – спросила она. – Так хочется

Питер посмотреть...

– А вы неужели не были у нас?

– Была пару раз, но еще совсем юная. Молодость не то время, когда можно по-настоящему почувствовать архитектуру.

– Почему? Я, например, в двадцать один сюда попал после армии, и мне город сразу понравился – красивый, и только работай.

– Когда вам было двадцать один, вам было труднее понять, что что-то построено тут двести лет назад и мимо ездил еще Пушкин.

– Так Пушкин же бронзовый! – хохотнул Виталий. – Да и я тоже вроде как железный, с чего бы нам меняться?

Он глянул, чуть отклонившись, в зеркальце. Теперь они так следят за собой, что и не догадаешься о возрасте, а с поправкой на это не меньше сорока. Лицо приятное, скорее умное, чем красивое, глаза темно-карие, внимательные – он

встретился с ней взглядом и отвел свой на дорогу.

Зазвонил телефон, и мадам, чуть поколебавшись, приняла вызов:

– Да, папа... Уже едем... Хорошо, встретит Антон, поняла... Ты все-таки не звони, пока я не вставлю местную симку, в руминге это очень дорого...

«Папа»? Кто это? Шеф при нем никогда не вспоминал про дочь, да еще во Франции. Виталий стал думать, как бы ее расспросить, но она сама заговорила на эту тему:

– Давно вы работаете с отцом? Вы только его возите или других тоже?

– Его. Давно. Вот когда его назначили завотделом-то и он переехал? Наверное, с две тысячи двенадцатого. Так вы его дочь?

– Да. Но мы давно не виделись – с тех пор как суд переехал сюда из Москвы...

Они уже скатились с единственной горки в окрестностях Пулкова и свернули на вечно пыльную окружную дорогу. Она глядела в окно, но там все было серо: плоские пригороды с плоскими коробками складов. Еще март не перевалил за середину, но было необычайно тепло для этого времени – снега не было.

«Надо, пожалуй, рассказать об этом помощнику председателя суда, – думал Виталий. – В кадрах-то про французскую дочь все, конечно, знают, но то, наверное, у шефа было по молодости, еще при советской власти, это не в счет. А

детали могут и пригодиться, можно же со смехом». Мадам Фийон, однако, что-то замолчала.

– А что, у вас во Франции, – решил он поддержать разговор, – должностным лицам тоже полагаются персональные машины или там все на своих ездят?

– Никогда не задавалась этим вопросом, – сказала она и добавила с легкой иронией, которую водитель не должен был заметить: – Но если бы у нас должностное лицо, как вы выразились, послало казенную машину за дочерью, прилетевшей в гости, и это узнали бы в газетах, был бы страшный скандал...

Иронию он заметил, но виду не подал, только буркнул, обгоняя фуру с прицепом:

– Ну куда ты лезешь, б... Извините.

– Ничего страшного, я тоже за рулем иногда матерюсь... «У нас во Франции».

– Так у нас, выходит, лучше, – отметил он с удовлетворением. – Это я про персоналки. А у вас формализм, в Европе.

– Вы бывали во Франции?

– Нет, – соврал он, хотя лет шесть назад, когда на это еще так не смотрели, бывшая жена таскала его с туристической группой в Париж. – Все равно лучше Крыма ничего нет...

На том и замолчали: про Крым мадам Фийон заводиться не стала, хотя он заметил в зеркальце, что хотела, да прикусила язык.

«У нас – у вас... – думала она, глядя в окно, благо они

свернули с грязной окружной на лесное шоссе, и там, слева за лесом, в сгущавшихся сумерках иногда даже мелькала как будто светлая полоска залива. – А ведь это родина... Или, кажется, как их учили в школе, надо с большой буквы: “Родина”... Бедный папа!» Она ему не позвонила в две тысячи четырнадцатом, когда они в этом своем суде с такой легкостью проглотили Крым, хотя все в газете спрашивали у нее, словно это она сделала: «Как же так?» А теперь они просто смеются... «Они?..»

– Таких заборов я не видела нигде в мире, – сказала Наташа, когда они подъехали к воротам. – А я была, в общем, довольно много где...

– А чё, это безопасность...

Охранник в неопределенно-военной форме попросил документы, но скорее чтобы ее рассмотреть: ему тоже было любопытно. Паспорт, который она достала из сумочки, был самый обыкновенный, российский. Внушительная створка зеленых ворот убралась вбок, и они въехали. Внутри было похоже на военную базу в Германии, где ей однажды довелось побывать. Под соснами, неожиданными в этой плоской местности, на расстоянии друг от друга располагались одинаковые дома, в некоторых окнах уже горел свет, но на дорожках было пусто. Попался человек с собакой, которая раскорячи-

лась, собираясь сделать свои дела на газоне. Ехали чинно, почти как велел знак «5 км/ч».

– Это что, дачи?

– Считается, как бы да, – отвечал водитель с ноткой хозяйской гордости в голосе. – Но живут все в основном круглогодично, отсюда и возим в суд. Эти для аппарата, по одному коттеджу на две семьи, а дальше там судьи...

Вдали мелькнули меж стволов какие-то остекленные терема, но они уже свернули на боковую дорожку и остановились у крайнего к зеленому забору дома. Перед домом тоже был забор, но из сетки и не такой высокий – примерно по грудь. Пока водитель звонил, Наташа вышла из машины: пахло мокрой хвоей и морем.

Замок калитки шелкнул, водитель достал из багажника чемодан, а из дома вышел долговязый парень и пошел к ним. По фигуре ему можно было дать не пятнадцать, а все двадцать лет, но лицо было еще детское, и на нем была улыбка, хотя и немного искусственная. В России люди улыбаются редко...

– Привет, братишка, ужасна рада тебя наконец увидеть, – сказала мадам, делая шаг навстречу, но он нырнул мимо и взялся за ручку чемодана, а улыбка осталась как приклеенная, «американская».

– Здравствуйте... Я отнесу ваш чемодан. Виталий, сразу поезжайте за родителями, они уже освободились и ждут. Спасибо. You are welcome, we live in small way, but will be glad

to see you², – приговаривал брат явно только что почерпнутую из интернета фразу, хотя произношение было поставлено неплохо. – Мы живем скромно, но...

– А чего не по-французски? – спросила она. – Все равно же лазил в интернет.

– Была такая идея, – признался он честно. – Но победила лень – я бы сам не прочел: там над буквами крючочки какие-то...

На верхней ступеньке он чуть задержался, переводя дыхание не от тяжести чемодана, а больше от затруднительности объяснения, – кроме его дыхания да еще поскрипывания в верхушках сосен, других звуков не было слышно.

– А где же тут море?

– А тут, недалеко, – ответил он, махнув в сторону забора, за которым, кроме верхушек деревьев, ничего не было видно. – Только каждый раз приходится делать крюк через проходную, иначе никак. Но там сейчас все равно делать нечего, пошли в дом.

Они прошли в большую гостиную со столом, диванами и камином, у которого лежало – и видимо, уже давно – с пяток аккуратных поленьев. Кроме террасной, две двери вели, вероятно, еще в какие-то комнаты, одна была отворена в кухню, а лестница посередине винтом уходила на второй этаж и вниз, в подвал. Все было очень аккуратно и чисто, но чуть казенно, словно обитатели боялись лишний раз схватиться

² Добро пожаловать! Мы живем скромно. Рады вас видеть (англ.).

за полированное руками.

– О, слоники! – обрадовалась Наташа, заметив их издали на серванте с посудой.

– Да, это от дедушки, но это не самое интересное у нас. А хочешь, я тебе пока дом покажу? – спросил Антон, неожиданно и теперь уже раньше времени переходя на «ты». – Внизу есть тренажеры. Или могу даже сауну включить...

Тут он сообразил, что это предложение могло быть воспринято двусмысленно, и смутился так, что показалось – сейчас убежит.

– Я в этих слоников любила играть в детстве, – сказала Наташа, сделав вид, что ничего не заметила. – Тогда они стояли на полке над диваном, и дедушка разрешал их аккуратно оттуда снимать, они у меня ходили по квартире друг за другом из комнаты в комнату. У них даже были имена, вот этот, первый и самый большой, был Элефантус, а последний просто Федя. Наверное, это я взяла из мультика про Простоквашино, ты же его смотрел? А Элефантуса – это дедушка придумал, они на юридическом факультете учили латинские поговорки, он же его заканчивал после войны.

– Я знаю, что он был юристом и у него на правой руке не было двух пальцев от взрыва мины, но я его не застал. Вы можете взять слоников в руки, я бы вам их вообще подарил, раз вам они так дороги, но не знаю, как предки.

«Славный вроде бы у меня получился братишка, – думала она, вертя в руках Федю и ставя его на место. – Чуть нагло-

ватый, но это от застенчивости. Только уж очень загорелый для этого времени года, все-таки не Средиземноморье. На кого же он так похож?...»

– Антон, давай-ка все-таки на «ты», я твоя сестра.

– Пока не получается, – сказал он и опять приклеил улыбку. – Вы же почти как моя мама.

– Неправда, – рассмеялась она, усаживаясь на диван рядом со своим чемоданом. – Она старше меня на целых пять лет. А мы с тобой раз виделись, когда вы жили еще в Москве, году... ну да, в две тысячи десятом, отца ведь не сразу взяли в Питер...

– Я помню, мне же тогда пять уже было. Приехала тетя такая, и папа говорит: а это твоя сестра из Франции. – Он оживился и стал делать жесты руками наружу и внутрь, как они теперь почему-то все это делают во всем мире. – Прямо surprise, до этого он мне, может, и рассказывал, но я, наверное, не очень понимал. Франция – это же где вообще?..

Так вот на кого он похож, на кого же еще! Но не на того отца, которого она уже много лет видела только на экране ноутбука и немного боялась увидеть теперь вживую, а на того молодого, плюс-минус двадцатилетнего папу, который представился ей так, как если бы стоял рядом. Только с тем запахом – совсем особенным, никогда и нигде больше ей не встречавшимся, запахом человека, на коленях которого она сидела каждый вечер.

– ...Хотите кофе?

– Что? О да! Можно с молоком?

– Вы мне тогда привезли джинсы, – сказал брат, уходя в кухню, чтобы включить там кофеварку, и докричал уже оттуда: – Но я из них на следующий год уже вырос...

– Surprise! – закричала она в кухню. – Иди сюда, открываем чемодан!..

Он не ответил, в кухне шипела и плевалась кофеварка, и опять это был единственный звук во всей округе, как будто ни за стенкой, ни вообще нигде люди тут не жили.

Задержавшись, он вошел с двумя чашками, когда сестра уже открыла чемодан и достала оттуда синие джинсы, которые держала в руках так, словно продавала их на базаре, слегка потряхивая. Но он их не взял и не посмотрел. Из чемодана на пол вывалились чужие предметы: блузка, туфля на каблуке – наверное, она собралась тут в театр, какой-то еще мешок.

– Из лучшего магазина, – торжественно сказала она, поворачивая штаны лейблом к себе и обратно. – Хотя, не буду скрывать, со скидкой тридцать процентов. Пойди померяй!..

– Потом, – сказал он, ставя чашки на стол. – Спасибо, но вы, наверное, давно не были в России – сейчас уже никто не возит сюда вещи из-за границы в подарок.

– Ну извини, – сказала она, складывая джинсы на диване. – Просто в прошлый раз тебе так понравилось... Папе и маме тоже есть... Ну да, наверное, я человек уже прошлого века... когда мне было столько, сколько сейчас тебе,

в Москве ничего не было, особенно денег – девяносто первый год... Потом уж сделали этот суд и папу взяли туда на работу. Курить хочется. Что за кофе без сигареты? На улицу, наверное?

– Пошли на террасу, откроем окно, – сказал он. – Угостите меня тоже сигаретой. У вас же, наверное, еще оттуда?

– Так вот что тебе надо было везти! – рассмеялась сестра, открывая красную пачку. – Ладно, так и быть, пачку тебе подарю, у меня есть запас. Давно ли ты куришь?

– По-настоящему с год... – сказал он, глубоко затянувшись, хотя сигареты были крепкие. – Мама, конечно, догадывается, но она иногда предпочитает что-то не замечать...

Отодвинули вбок створку остекления – сразу пахнуло холодом и запахом моря, если это была не иллюзия, свет на террасе они зажигать не стали – хватало и фонаря на дорожке. Пепельница была старинная, бронзовая, Наташа вспомнила, как в детстве с трудом могла удержать ее в руках. «Надо же, – думала она, – папа и эту пепельницу притащил сюда. Но ведь тут же, наверное, все только “предоставляется” – значит, потом обратно тащить?»

– Папа-то бросил курить, когда узнал про рак?

– Почти. Мама ему не разрешает, но он у меня стреляет одну перед сном и выкуривает в окошко. Ну, две или три в день, это же не курение?

– Ты знаешь, – сказала она, помолчав, – я ведь его уже десять лет видела только по скайпу, и он мне не сразу об этом

сказал, только после химии. Мне немножко страшно с ним снова встретиться.

– Значит, вы с ним проститься приехали?

Вопрос был задан неделикатно, но зато с доверием.

– Ну, в общем, да...

Они еще помолчали, только в сумерках красным горели огоньки сигарет.

– А почему они развелись?

– Не знаю, братишка, я же тогда еще маленькая была. Когда выросла, тоже спрашивала у мамы, но она ничего толком не смогла объяснить. А зачем тебе это?

Наташа уже потушила свой окурок в пепельнице, когда на дорожке показалась машина, а брат воровато дотянул последнюю затяжку, прежде чем сунуть туда уже один только фильтр. Он нажал кнопку замка калитки и пошел по дорожке, чуть расправив плечи – не то чтоб по стойке смирно, но и не вольно.

Виталий обходил машину, чтобы открыть заднюю дверцу, но та открылась изнутри, и оттуда неловко вылезала женщина в пальто и на каблуках-шпильках, а водитель подавал Антону два каких-то больших продуктовых пакета из багажника.

– Привет, мам! – сказал Антон, принимая пакеты. – А па-

па где?

– Он приедет, может быть, еще через час, Виталий сейчас снова за ним поедет... Выскакиваешь опять раздетый?.. Это ты здесь курил? – закончила она уже на террасе.

– Мам, я же не курю.

– Это я курила, – сказала Наташа, которую хозяйка то ли еще не заметила в полутьме, то ли сделала вид. Она успела выловить из пепельницы фильтр без помады и спрятать его в карман джинсов. Антон это заметил и поблагодарил взглядом, а его мама, кажется, нет. – Здравствуйте. Я Наташа.

– Полина Николаевна, – представилась та, по-мужски протягивая руку. – Антон, а ну дыхни на меня!..

– Ну, мам!..

Это ставило его перед сестрой в положение совсем еще ребенка, и Наташа спросила, чтобы сгладить неловкость:

– У вас там что-то случилось, в суде?

– Позвонили! – сказала Полина Николаевна, всем видом показывая, как ей надоели эти авралы. Даже вот так: – Позвонили!.. Пойдемте в дом, я по дороге купила еды.

Шпильки она скинула и с облегчением вошла в войлочные тапочки, в отличие от большинства предметов в доме, очень домашние, но и сама тоже оказалась не такой уж подтянутой и молодой. Аккуратного в ней оставалась только прическа, а черты лица под ней были, пожалуй, правильные и даже красивые, но чуть мелковатые. С ее приездом на дремавших дачах что-то как будто лопнуло и появились звуки:

где-то коротко прогудела машина, а за стеной, слышно было, соседи включили телевизор, но убавили звук. Хозяйка доставала из пакета и выкладывала со стуком и шорохом на кухонный стол всякую снедь.

– Давайте я вам помогу. Картошку куда отнести?

– Спасибо, вы у нас в гостях. Антон, что ты стоишь? Это в холодильник... А вы хорошо говорите по-русски, я бы и не подумала, что вы не из России.

– Вообще-то я из России, я здесь родилась.

Сама Полина, как Наташа стала называть ее мысленно для краткости, разговаривала слегка протяжно и чуть-чуть в нос, это довольно сложно: если вы не урожденный француз, вам придется слегка зажать нос пальцами, а у нее как-то вышло и так.

– Вы голодны? Или мыждемся Сергея Анатольевича?

– Конечно,ждемся, Антон напоил меня кофе.

– А! Вот молодец... – продолжала она, управившись с пакетами, сама села на диван и пригласила жестом Наташу сесть напротив. – Муж рассказывал, вы все еще работаете в газете?

– Да, в «Монд». Я там в основном освещаю то, что происходит в России и бывшем СССР, приходится много ездить, так что у меня богатая языковая практика.

– Ага!.. Антон, налей нам, пожалуйста, белого вина, там должно быть в холодильнике... Так вы, значит, и на Украине бываете? – спрашивала хозяйка, пока Антон сходил в кухню

и вернулся с двумя бокалами. – Или теперь надо говорить «в Украине»?.. И как там?

Она взяла у сына бокал, махнула им в сторону Наташи, отпила глоток и стала смотреть на нее выжидательно. Та тоже пригубила вино и сказала:

– Мм... Неплохо.

– Это вы про вино или про Украину?

– Что касается Украины, они там пытаются спасти экономику и воюют с Россией.

– Но мы же с ними не воюем.

– Я вам передаю практически из первых рук: они там считают по-другому.

– Ну, мама! – сказал Антон, с интересом следивший за этим разговором. – Пусть они попробуют иначе, почему надо ориентироваться обязательно на нас?

– Ты бы лучше пошел географию поучил, сынок... Погодите, а почему чемодан до сих пор тут валяется? – сказала Полина Николаевна протяжно, сделав вид, что только что заметила раскрытый чемодан и выпавшую туфлю, и даже чуть отодвинулась. – Антон, почему ты до сих пор не проводил Наташу в ее комнату? Вы поживете в кабинете Сергея Анатольевича, наверху только две спальни у нас. Давайте-ка это соберем...

Наташа, кажется, все-таки покраснела, поднимаясь с дивана, чтобы запихать в чемодан вывалившиеся вещи. Антон нажал сверху, чтобы помочь ей его закрыть.

– Мама, это чтобы достать джинсы, которые Наташа привезла мне в подарок, я их как раз собирался померить – вот они тут.

– Хм.

– Для папы и для вас тоже есть подарки, но они где-то на дне, – сказала Наташа. – Я достану, но мне неудобно заходить в кабинет без хозяина.

– Ничего, – сказала Полина, вставая и открывая перед ней дверь. – Вам все равно надо разобрать вещи, вешалки есть в шкафу, я освободила часть...

Запах! В комнате пахло и чем-то совсем незнакомым, но и тот, из детства, запах будто тоже притаился то ли за знакомым письменным столом с оспиной на бывлой полировке от когда-то кем-то оброненного окурка, то ли за картиной, которая в детстве называлась непонятно: «Нотариус». На столе стояли закрытый ноутбук и портрет деда в почти совсем стершейся бархатной рамке, но в Москве в ней был портрет кого-то другого, а чей именно, она так и не вспомнила – только рамку.

Сквозь дверь ей было слышно, как мать с сыном о чем-то спорят в гостиной, но слов было не разобрать. Тут они смолкли на миг, и Антон громко крикнул:

– Наташа! Папа приехал!

Она отбросила платье, которое собиралась повесить, и, забыв про страх встречи, выскочила в гостиную. Отец стоял у дверей еще в плаще, ослепленный с улицы светом в комна-

те, а мать и сын, когда появилась Наташа, застыли на ходу. Ее перенесло словно ветром, она обняла отца, ощутив через свой свитер и холодок плаща, и тепло его руки, которой он похлопал ее по лопатке и оставил там на мгновение. Но долго так было нельзя – она отступила на два шага, и они теперь глядели друг на друга.

– Встреча на Эльбе, – невпопад съязвил брат и приклеил улыбку.

– Сережа, сними плащ, – сказала Полина и, подойдя, стала стаскивать с него плащ сзади, пока он все не мог оторвать взгляд от дочери. – Вот твои тапочки...

– Ну привет, – наконец вымолвил он. – Как ты долетела?

– Отлично, пап, спасибо.

Он сел на табурет и стал развязывать ботинки – покрхтывал как-то незнакомо. Волосы на затылке, который был виден ей сверху, сильно поредели, вероятно, от химиотерапии.

– Я пойду приготовлю ужин, – сказала Полина Николаевна поворачиваясь. – Сядем в гостиной или на кухне на скорую руку?

– Надо торжественно, наверное, – сказал отец, управившись с первым ботинком, а шлепанец, в который он вдел эту ногу, был резиновый и словно больничный.

– Папа, не надо никаких торжеств, ты устал, давайте сегодня на скорую руку, а завтра как раз суббота, и я вам приготовлю на обед французский суп!

– Как бы не так, – сказал он, управляясь со вторым бо-

тинком. – Мне надо завтра в суд. Поправки в Конституцию прислали на заключение, черт бы их взял.

– Совсем с ума сошли, – сказала жена. – Как будто председатель их раньше никогда в глаза не видел... Мне тоже надо ехать?

– Нет, тебе-то зачем. А я должен завизировать, они так обязали.

– Ну тогда завтра вечером суп, – сказала Наташа. – А днем ты подбросишь меня в центр, и я там погуляю. Суд же у вас прямо напротив Медного всадника?

– Ага, возле Медного, – сказал отец, с усилием поднимаясь с табуретки и с оттенком неудовольствия, словно этот Медный всадник чем-то ему насолил.

– А я в колледж, у нас завтра футбол, – сказал брат. – Как раз и уместимся в машине.

Полина гремела чем-то на кухне, отец прошел и опустился в кресло, а брат с сестрой сели на диване. Отец взял недопитый женой бокал и крикнул в кухню:

– Это твой? Я пока тоже сделаю глоток.

– Тебе это не рекомендовано, – сказала она оттуда.

– Ну давай чокнемся, что ли, – сказал Сергей Анатольевич, не обратив на ее замечание внимания, поднял бокал и чокнулся с дочерью, для чего ей пришлось перегнуться через стол. – Трудно было выбраться из Парижа? Там же у вас черт знает что творится...

– Нет, ничего особенного, просто все сидят по домам и

на улицу не показываются. А у меня машина в гараже под домом, я просто спустилась, доехала до Шарль де Голль и оставила ее в аэропорту.

– У нас тоже будет карантин, как вы думаете? – с беспокойством спросил Антон.

– Я не специалист, но думаю, да – примерно недели через две-три.

– Может, и не надо было тебе прилетать? – спросил отец, но знак вопроса он собрался поставить только в самом конце.

– Ну, – сказала она, – ты же понимаешь. Что врачи-то говорят?

– Говорят, еще поживу. Но мы же все понимаем...

– Кстати, может, мне завтра лучше переехать в гостиницу? Виталий меня и отвезет заодно, я не думаю, что сейчас с этим проблема в Питере.

– Да я не об этом, – сказал он, бросив взгляд в сторону кухни и понизив голос.

– Нет-нет, что вы, оставайтесь! – сказал Антон. – Я как раз хотел, чтобы вы со мной немного позанимались английским – у вас же хороший английский тоже?

– У меня свободный английский, но я не думала, что придется занять папин кабинет. Он же тебе, наверное, нужен?

– Да не нужен он мне, все равно надо ехать в суд. Чертовы поправки, придумали, сами не знают что... Антон, ты этого не слышал.

– Как будто этого кто-то не понимает, – сказал Антон. –

В колледже все над нами ржут. Но больше не надо мной, а у кого предки судьи – их у нас пять особей в разных классах...

– Всем мыть руки и за стол! – скомандовала Полина Николаевна из кухни.

– Вы садитесь, а я принесу подарки...

Наташа ушла в кабинет и вернулась с двумя свертками:

– Ну, разворачивайте!

– Давай, ты первая, – сказал Сергей Анатольевич жене.

В небольшом и немислимо красиво упакованном свертке оказалась лакированная коробочка, в коробочке колье, вызвавшее у Полины Николаевны непроизвольное «ах!». А если еще на темно-синее платье с декольте...

– Очень-очень, спасибо! – сказала она в нос, но по-человечески, без подтекстов. – Как вы так угадали? Это же, наверное, дорогая вещь...

– Папа мне много рассказывал о вас и присылал фотографии...

Антон вспомнил, как в прошлом году подарил шикарную авторучку одному парню в школе, потому что тот мог и морду набить, – и его словно обожгло. Но тут было совсем другое, это был подарок чужой маме, но от чистого сердца, просто так, чтобы обрадовать. Да и хорошие новые джинсы ему тоже пригодятся, и маму на миг словно расколдовало, а сестра нравилась ему все больше и больше: как-то запросто она с ними держалась.

– Ну, – сказала мама отцу, – теперь ты.

Сергей Анатольевич долго разворачивал многослойно и в разные обертки завернутый пакет и наконец достал мягкий, шоколадного цвета домашний пиджак. В таком хорошо сидеть себе у камина, но, может быть, не у такого камина, который вряд ли в последний раз топили меньше года назад.

– Потрясающе!.. – сказала Полина. – Это то, что тебе надо. Но если ты в нем соберешься спать, то, пожалуйста, не со мной.

Отец, по-детски стесняясь, влез в рукава, посмотрел на них и сказал:

– Я пойду в ванной в зеркало погляжусь, все равно надо руки мыть.

За ужином говорили, само собой, об этой новой заразе, о коронавирусе. Перебрали все варианты: от того, что его специально изобрели враги-американцы, до того, что вирус этот не страшнее гриппа и напрасную панику посеяли журналисты. Тема была неисчерпаема, поэтому решили идти спать, а посуду помоеет посудомоечная машина, благо она тут есть в каждой половине этих прекрасных домов.

Наташа ушла в кабинет, там было уютно и покойно, мешала только мысль, что она лишила комнаты отца, да еще в окошко было не на что глядеть: метрах в пяти от него был высоченный зеленый забор, который сейчас, в темноте, виднелся просто как черный, и над ним, если поднять глаза, чуть более светлая полоска неба. А утром будет тоскливо глядеть на забор – впрочем, и дома сидеть тоже незачем.

Она поставила свой ноутбук рядом с отцовским, но поняла, что забыла спросить пароль для вайфая. Решила пока обойтись и лечь – постель на диване была разобрана, но тут в дверь тихонько постучали. Это был отец, он спросил шепотом:

– Ты еще не спишь? Не бросила курить? Дашь мне одну сигаретку?

– Конечно... А она не догадается? От тебя же будет пахнуть?

– Ну пусть. Я вообще-то последнее время здесь ложился, но она догадывается. Пара сигарет в день – это не курение. А в общем, ты не думай, мне с ней хорошо.

– Ладно, я тоже покурю с тобой на террасе. Тебе очень идет этот пиджак, но ты все-таки накинь что-нибудь сверху.

Они, крадучись, прошли через гостиную, она надела куртку в рукава, а отец накинул плащ на плечи, но повязал шарф – вышли на террасу.

– В таком твоём подарке надо курить трубку у камина, а не в темноте чужие сигареты по-воровски. – Он затаился и закашлялся. – Ты куришь такие крепкие? У нас все дамы уже только эти тоненькие, как макароны.

– Мне рано на них переходить, а тебе, наверное, никаких лучше не надо... Я помню эту пепельницу и твой стол, а в бархатной рамке раньше ведь не дедушкин был портрет?

– Раньше там была просто какая-то его тетька, которая умерла от тифа в Гражданскую войну. Я поменял, потому

что больше и не знаю про нее ничего... Как мама?

– Спасибо, здорова. Ты в последнее время ею не интересовался...

– Ну...

Дверь приоткрылась, на мгновение впустив на террасу луч света, и Антон сказал театральным шепотом, затворяя ее за собой:

– Ага, я так и знал, руки вверх!

Сестра молча подвинула к нему по столу пачку и зажигалку, но садиться ему было уже некуда, и он сел на ручку кресла отца.

– Как заговорщики, – сказал отец, не глядя на сына. – Конституционный переворот...

– Так это не тут, это у вас там, – сказала она. – Ну, не будем на эту тему... А вот тут Антон у меня спросил, почему вы с мамой развелись в семьдесят восьмом году, а я и не знаю, что сказать. Все-таки почему?

– Ну дай тогда еще одну, – сказал отец. – Эту я уже докурил.

Он достал новую сигарету из пачки, прикурил от зажигалки, осветил ею осунувшееся и невеселое свое лицо и посмотрел на сына, чье лицо, так похожее на то, которое сестра помнила из детства, осветилось тоже:

– Все по молодости, там было много причин... Твоя мама хотела уехать, и у нас была такая возможность, она могла получить вызов из Израиля, многие так уезжали...

– А ты – нет? – спросил Антон.

– А я – нет. Я даже не хотел прощаться с теми, кто уезжал, я их считал как бы немного предателями, что ли... – Он затаился, подбирая слова, и лицо его, ставшее нездешним, опять осветилось сигаретой. – Как сказать? Не то чтобы родины, хотя... Ведь родина – это твоё детство, двор, школа, как это бросить?

– А теперь? – спросил Антон. – Теперь ты так не считаешь?

Отец последний раз затаился и размял окурок в пепельнице.

– А что – теперь? Теперь – это совсем не то, что тогда. Теперь вы вон шагаете по миру почти без границ, а тогда... как на другую планету. Ну, передо мной так вопрос уже и не стоит, нам теперь и в отпуск туда не рекомендуют, а в могилу в любом случае лучше лечь там, где родился. Ладно, спокойной ночи...

Он встал и ушел в своем новом, таком уютном пиджаке, а брат с сестрой еще минуту посидели на террасе.

– Ну что, завтра за английский? – усмехнулась она. – А пока – спать. Только напиши мне где-нибудь пароль для вай-фая.

– Он простой: «Палермо» с большой буквы.

Он больше не улыбался, хотя это как раз было забавно.

– Почему Палермо?

– Не знаю, так придумалось...

Наташа засиделась за полночь, читая новости, в которых хорошего было мало, и отвечая на письма, а в восемь ее разбудил звонок мобильного, который заряжался от розетки возле стола. Спросонья она не сразу поняла, где находится, хотела не отвечать, решив, что это ошибка – ну кто мог звонить ей в шесть утра по европейскому времени? Но звонили настойчиво, и она, завернувшись в плед, пересела в кресло. Номер высветился местный, на 812, она помнила, что это был код еще Ленинграда.

– Госпожа Фийон? Наталья Сергеевна?

– Да, это я, – сказала она, плотнее заворачиваясь в плед, – ее вдруг бросило в холод. – А кто это? Зачем вы звоните по этому номеру, он в роуминге, я сегодня как раз собираюсь купить местную симку... Откуда вы вообще его знаете?

– Вы прилетели вчера рейсом «Эр Франс» из Парижа? – продолжал в трубке неумолимый голос. – Вы сидели в восьмом ряду, место 8С, правильно?

– Да, верно, – сказала она, уже догадываясь, что будет дальше, и зачем-то добавила: – Я заранее зарегистрировалась в интернете.

– Вам повезло, что не на одиннадцатом, – сказал тот же бесстрастный голос, но чуть мягче. – Там летел пассажир, у которого обнаружен коронавирус, он уже изолирован с вы-

сокой температурой. Где вы находитесь, Наталья Сергеевна?

У Наташи промелькнула мысль, что, быть может, они этого не знают и можно от них удрать, только надо быстро, но если они узнали номер ее телефона (кажется, она его давала, покупая билет), то наверняка уже вычислили или найдут по сигналу – это они умеют, в Донецком аэропорту они даже стреляли из пушек по этим сигналам... Дурацкая мысль, нет, надо сдаваться, значит, просто не повезло.

– Я прилетела на несколько дней к отцу, – сказала она уже более спокойно. – Он живет в поселке Конституционного суда за городом, он там работает заведующим отделом, но я не знаю точного адреса, меня привез его водитель.

– Это мы найдем, – успокоила трубка. – Как зовут водителя? Не вспомните ли номер его машины? С кем вы еще контактировали с момента прилета?

– Водителя зовут Виталий, машина черная, кажется, «Тойота», номер я не помню, он встречал с табличкой. Мы доехали уже к вечеру, и я не выходила из дома. В доме отец – Заварзин Сергей Анатольевич, его жена и сын.

– Хорошо, вашему отцу мы сейчас позвоним. Будет лучше, если мы сами ему сообщим и сразу дадим инструкции. Вы понимаете, что вам придется остаться дома до получения результата анализов?

– Да, я понимаю, а... А долго это?

– Послушайте, девушка, – сказал голос уже почти человечески. – Амбулатория к вам уже едет, а как сделают, так

и сделают... – и в трубке зазвучали гудки.

Наташа достала сигареты, вспомнив, что это предпоследняя пачка, открыла фрамугу – оттуда сразу пахнуло холодом и сыростью: еще, видно, с ночи зарядил нудный дождь с отдельно летящими снежинками, – закурила и стала смотреть на зеленый забор. Он вдруг начал приближаться, как в кошмарном сне, словно собирался заточить ее в железные объятия... Может быть, это уже болезнь? Надо бы померить температуру, а градусника нет... Нет, это просто страх, надо собраться, одеться и выйти.

В гостиной она застала Полину Николаевну в халате, прическа смялась со сна, и отца, который был уже в брюках и рубашке, собираясь в суд. Сейчас он прижимал к уху трубку мобильного, напряженно слушая, но не отвечая. Жена с тревогой смотрела на него, а по винтовой лестнице, еще ни о чем не подозревая, даже насвистывая, спускался Антон.

– Да, – сказал отец в трубку. – Да, я понял. Мне только надо позвонить на работу, чтобы предупредить... Что?.. Вы туда уже звонили? Кому?..

Наташе послышалось, когда отец переключал трубку поудобней, что с ним говорил тот же неумолимый и неизвестно где сидящий голос, да наверняка это он и был. Антон понял, что происходит что-то неладное, и перестал свистеть.

– Что случилось? – спросила Полина Николаевна. – Какой-то теракт?

– Сейчас, – сказал отец, набирая номер из памяти телефо-

на. – Павел Юрьевич, доброе... Ох да, не такое уж доброе... Что, вы уже знаете?.. Да, я не смогу сегодня приехать. Будем надеяться, что это только карантин, совершенно не обязательно кто-то болен... Хорошо, дистанционно – да, пришлите на почту... Обязательно. Передайте председателю...

Но тот, видимо, не дослушал.

– В самолете, в котором ты летела, был человек с коронавирусом, – сказал отец, повернувшись к Наташе. – Это, конечно, ничего не значит, но мы должны до получения результатов анализов оставаться дома и никуда не выходить.

– Вот спасибо-то! – сказала Полина, не поворачиваясь в ее сторону, но явно адресуя это Наташе. – А кто будет брать эти анализы у нас?

Наташа заметила, как брат побледнел и даже сел на ступеньку лестницы.

– Ну какая-то дежурная амбулатория, они уже скоро будут здесь.

– Ты с ума сошел? Звони немедленно Павлу Юрьевичу, чтобы выслали врачей из нашей поликлиники, мы не обязаны верить неизвестно кому. Давай.

Отец снова набрал повтором тот же номер:

– Павел Юрьевич... Нет, я сейчас о другом. Если это возможно, не знаете ли... Мы же приписаны, у нас же тоже берут эти тесты... Уже?.. Ну да, спасибо... Так я жду проект заключения на почту, передайте председателю...

Он опустил руку с трубкой – на том конце, видно, опять

не дослушали, там надо было действовать быстро, а им-то спешить было уже некуда.

– Ну, давайте позавтракаем, что ли, – сказал отец. – Есть все равно надо, пока есть, что есть, а шансы, на самом деле, невелики, это меры предосторожности.

– Но мне надо в колледж! – пока еще сдерживая истерику, сказал Антон. – Мне сегодня обязательно надо в колледж, у нас футбол!

– Никто тебя не выпустит, – сказала Полина Николаевна. – Успокойся.

Но он не успокоился, а, наоборот, вдруг бросился к дверям, на ходу пытаясь всунуть руки в рукава куртки. Но в дверь как раз постучали, и на пороге возник водитель Виталий.

– Остановите его! – крикнула Полина, и тот загородил собой дверной проем.

– Ты же чуть не убежал в домашних тапочках, – сказала Наташа. – Надо успокоиться, у вас тут есть какие-нибудь успокоительные? У меня есть снотворное, но оно сильное, пока, наверное, надо что-то полегче.

– Не буду я пить никакие ваши лекарства! – крикнул брат уже сквозь слезы.

– Проходите, Виталий, – сказал Сергей Анатольевич. – Сегодня я никуда не поеду из-за карантина, так вы хоть чаю попейте. Или это теперь будет нельзя?

Водитель снимал обувь, примостив свое большое тело на

табурет, и остался в черных носках, на левом из которых белела дырка на большом пальце. Он так смутился, будто за это его могли лишить водительских прав, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.